

— Ли Цюань, через три дня, когда сойдемся в бою с армией Западных варваров, ты должен подстрелить их главнокомандующего!

Маленький солдат вытаращил глаза, несколько раз ошалело моргнул и только тогда решился спросить дрожащим голосом:

— Помощник генерала Ян, вы хотите, чтобы я снял голову военачальника прямо посреди двадцатитысячного войска Западных Ди?

— Именно, — Ян Цзо кивнул с таким невозмутимым видом, будто поручал Ли Цюаню нарезать курицу к ужину.

Ли Цюань, прижимая к груди Лук Небесного Волка, отпрянул назад и возопил:

— Помощник генерала Ян, вы... вы это сейчас серьезно?! Вы же надо мной издеваетесь!

Ян Цзо промолчал, зато Вэй Ю гаркнул во всю глотку:

— Чего расшумелся?! Тебе дают шанс подвиг совершить, а у тебя поджилки затряслись! Ты вообще солдат Великой Цзинь или кто?

Ли Цюань мгновенно притих, не смея больше возражать. Со скорбной миной он покосился на Фань Ло, сидевшего за столом, и робко спросил:

— Генерал, что же это творится-то, а?..

Фань Ло был краток: он просто бросил письмо на стол перед Ян Цзо. Помощник генерала с едва заметной улыбкой посмотрел на Ли Цюаня и отдельно произнес:

— Западные Ди прислали вызов. Через три дня, в десяти ли отсюда, в Ущелье Зелёных гор. Поединок перед строем.

В душе Ли Цюаня всё похолодело. Он понял: большая война начинается.

Поединок перед строем — это древний обычай. Перед началом сражения каждая армия выставляет своего лучшего бойца. Победа в такой схватке возносит боевой дух своих до небес, а поражение — подрывает волю противника. Те, кому выпадает жребий выйти на такой бой, играют со смертью.

Ли Цюань перестал паясничать. Сбросив маску простофили, он посерьезнел:

— И кто выйдет от нас? Помощник генерала Вэй? Или десятник Чжао?

Солдат знал себе цену — война не терпит легкомыслия.

Ян Цзо и Ли Цюань замерли, сверля друг друга взглядами. Вдруг Ян Цзо чуть отодвинулся в сторону, открывая вид на сидевшего позади полководца. Фань Ло, облаченный в Черный доспех, с рассыпавшимися по плечам длинными волосами, хранил ледяное спокойствие. Красота его лица казалась застывшей маской.

— Вражеский военачальник назвал имя нашего генерала. Поносил его на чем свет стоит, склоняя и предков, и родителей. Ну и как ты думаешь, кто выйдет на бой?

Ли Цюань побледнел как полотно.

— Генерал?! Ни в коем случае! Это же верная смерть! — вскричал он. Солдат хоть и не был большим стратегом, но сказов наслушался вдоволь. Победа генерала — общая радость, но если он падет... Это не просто проигрыш, это позор для всей армии, а для самого полководца — либо забвение, либо плаха.

Даже если генерал — непревзойденный мастер, на войне всегда есть место случайности. Ли Цюань места себе не находил от тревоги: почему помощники генерала не остановят своего командира?

Словно прочитав его мысли, Ян Цзо кивнул:

— Именно поэтому, Ли Цюань, генерал может только победить. Поражение недопустимо.

Солдат замер.

— Ты парень неглупый, понимаешь, к чему я клоню, — Ян Цзо указал на карту-песочницу. — Ущелье Зелёных гор зажато между хребтами. Тропа там узкая, едва десяток человек в ряд пройдет. И враг назначил место встречи именно на этом «овечьем пути».

Ли Цюань чувствовал на себе взгляды всех троих: Ян Цзо, Вэй Ю и самого Фань Ло. Казалось, каждый из них безмолвно спрашивал: «Справишься, Ли Цюань?»

Солдат опустил взгляд на Лук Небесного Волка. В гвардейском лагере это оружие считалось священным, оно стояло в одном ряду с «Потрясающим горы» десятника Чжао — оба служили для защиты генерала. Но в народе этот лук звали проклятым. Говорили, что он несет на себе клеймо кровавой ауры, и всякий, кто берет его в руки, обречен умыться кровью.

Горько усмехнувшись, Ли Цюань спросил:

— Помощник генерала Ян, вы хотите, чтобы я засел в засаде? Ущелье окружено крутыми скалами, там полно укромных мест. Я должен ударить, пока генерал будет сражаться?

Ян Цзо и Вэй Ю переглянулись, и на их лицах отразилось явное облегчение, будто с плеч свалилась тяжелая ноша.

— Ли Цюань, — выдохнул Ян Цзо, — мы доверяем тебе жизнь генерала. Ты подведешь?

Ли Цюань на миг потерялся. Он встретился взглядом с Фань Ло. Тот смотрел на него своими глубокими, темными глазами, в которых, казалось, застыла печаль. На лбу полководца, под красной отметиной, пульсировала вена, похожая на расцветающий кровавый лотос.

И тут в голове у солдата всё помутилось. Поддавшись безотчетному порыву, очарованный красотой своего командира, Ли Цюань выпятил грудь и выпалил:

— Ладно! Сделаю! Помощник генерала Ян, не сомневайтесь, я костями лягу, но генерала сберегу!

— Вот и славно, вот и хорошо! — рассмеялся Ян Цзо.

Ли Цюань же, едва закрыв рот, захотел отвесить самому себе звонкую пощечину за длинный язык.

Закончив обсуждение, Ян Цзо утащил Вэй Ю за собой, оставив в палатке лишь встревоженного солдата с луком в руках и прекрасного полководца.

Ли Цюань переминался с ноги на ногу. Он украдкой взглянул на изысканное лицо Фань Ло и тут же потупился. Генерал не любил, когда тот берет за лук, и теперь Ли Цюань лихорадочно соображал, куда бы приткнуть оружие, но шатер был слишком тесен.

Наконец он решился:

— Генерал, будет еще что? Если нет, то я, пожалуй, пойду, а?

Фань Ло долго молчал, впери в него пронзительный взгляд, от которого по спине пробегал холодок. Внезапно он заговорил, и его голос, чистый и холодный, как родниковая вода, заполнил тишину:

— Почему ты не плачешь?

Ли Цюань опешил.

— Генерал, вы... вы давно не говорили так много слов сразу.

Фань Ло замолчал, глядя на него с нарастающим раздражением. Ли Цюань поспешно заскреб затылок, изображая дурачка:

— Ах, вы о слезах? Десятник Чжао не плакал, так неужто я стану отнимать у него хлеб? А военный советник Фан... он и так всё выплакал. Если еще и я начну сырость разводить, как господин Фэн сможет спокойно уехать?

Фань Ло нахмурился. Объяснение показалось ему полнейшим вздором. Он процедил всего два слова:

— Ван Ху!

Ли Цюань застыл. Он засуетился, не зная, куда деть руки, и в конце концов тяжело вздохнул:

— Генерал, неужели вам обязательно докапываться до самой сути?

Взгляд Фань Ло был предельно серьезным. Ли Цюаню пришлось признать поражение. Он по-собачьи присел на корточки и тихо заговорил:

— Тогда... я чувствовал, как в груди что-то ноет. Словно ножом полоснули.

— Ноет?

Ли Цюань угрюмо кивнул. То был первый раз, когда он поднял руку на того, кто не желал ему зла. В пылу сражения, когда звенела сталь и лилась кровь, он заставил себя увидеть в могучей фигуре вражеского лазутчика. Пальцы разжались, стрела ушла в цель...

А потом пришла боль. Он узнал, что тот человек скоро должен был стать отцом. Дома его ждала жена. А Ли Цюань в одно мгновение лишил женщину мужа, а ребенка — отца. Сердце тогда разрывалось на части.

Если бы он тогда не разрыдался, его трясущиеся руки больше никогда не смогли бы удержать лук. Он до сих пор не понимал, как Бай Фэн умудрялся шпионить, находясь в шатре военного советника...

Сделав глубокий вдох, Ли Цюань снова кивнул:

— Да, было больно. Очень. Когда опомнился — уже всю ревел... Вы тогда с помощником генерала Вэй мне еще палок всыпали! — он невольно потер задницу, словно та всё еще ныла от старых обид. — Но сейчас, генерал, я плакать не буду. А то опять наградят поркой.

У стола уже никого не было. Фань Ло незаметно оказался рядом и теперь возвышался над Ли Цюанем.

Солдат задрал голову, глупо разинув рот. Впервые он увидел генерала именно таким — с лицом небожителя и ледяным спокойствием во взгляде. И тогда, и сейчас он не мог отвести глаз.

«Никакого сладу с собой нет!» — ругнулся про себя солдат. Между ним и генералом всегда была эта пропасть. Один — полководец, рожденный повелевать, другой — пыль под ногами, простой люд. Облака в небе и грязь на земле...

Пока Ли Цюань витал в облаках, он почувствовал, как чья-то рука вцепилась ему в загривок. Он уже собрался было дать отпор, но вовремя сообразил: это генерал. Фань Ло схватил его за ворот и одним рывком приподнял.

Ли Цюань забил ногами, едва не задохнувшись. Фань Ло, осознав, что переборщил, разжал пальцы.

— Кха-кха! Генерал, если вам нужна моя жизнь, так и скажите! Не хочу я подыхать висельником с высунутым языком! — прохрипел солдат, потирая шею.

— Почему? — спросил Фань Ло.

Только Ли Цюань мог понять, о чем идет речь.

— Потому что это чертовски некрасиво! — выпалил он, не задумываясь.

Фань Ло ощутил редкое для себя чувство беспомощности. Он не мог понять, что творится в голове у этого мальчишки, и это незнание его тревожило.

Прежде чем солдат успел опомниться, Фань Ло притянул его к себе. Одна рука крепко обхватила пояс Ли Цюаня, не давая пошевелиться, а вторая с силой прижала его лицо к своей груди.

Раздался глухой стук: Ли Цюань с размаху впечатался носом в холодный Черный доспех. Перед глазами заплясали искры, а железная хватка генерала не давала даже вздохнуть.

Солдат попытался было вырваться, но быстро сдался. Он подумал: «Неужто генерал решил меня просто задушить? Да еще и лицо напоследок изувечить...»

Участь маленького человека — всегда страдать. Ли Цюань обмяк, смирившись с неизбежным. И тут над самым его ухом прозвучало:

— Плачь.

Солдат вздрогнул.

— Плачь, — повторил Фань Ло.

Ли Цюань задрожал. Он понял. Понял, что хотел сказать генерал. Спустя мгновение он несмело обнял Фань Ло за талию и уткнулся лбом в твердую сталь доспеха.

Он не должен был этого делать. Не мог. Не имел права. Поэтому он не хотел плакать. Но в глазах вдруг зарезало так, будто туда насыпали пригоршню песка.

Через минуту из-за пазухи генерала донесся глухой, сдавленный голос:

— Генерал... я... я не могу...

Фань Ло не слушал. Он положил вторую руку на голову солдата и стал медленно поглаживать его жесткие волосы, спускаясь к напряженной шее. Генерал вспомнил, как в детстве их старый пес любил, когда его вот так чесали за ухом. Глядя на вечную дурашливую ухмылку Ли Цюаня, Фань Ло всякий раз чувствовал странное желание — просто обнять его.

Раз, другой... Солдат наконец обмяк, а его плечи начали мелко вздрагивать.

Но вдруг Ли Цюань резко отстранился. Его глаза были красными, как закатное солнце, но лицо оставалось сухим.

— Хе-хе, генерал, не выходит у меня ничего. Дел невпроворот, мне еще стрелять тренироваться надо, раз уж такое доверие оказали, — Ли Цюань юркнул в сторону, словно змея, и выскочил из шатра, будто за ним черти гнались.

Фань Ло остался стоять посреди пустого шатра, глядя на свои ладони. В груди вдруг стало странно пусто.

Задыхаясь, Ли Цюань добежал до расположения гвардейцев. Там никого не было. Он вытер глаза рукавом — те были сухи. Постояв немного, он поднял Лук Небесного Волка и направился к стрельбищу.

На выходе он случайно задел стойку с мечами. Один из них с грохотом упал на землю,

наполовину выскользнув из ножен. Вместе с клинком на пол плавно опустился клочок бумаги.

Ли Цюань поднял его. Его взгляд на мгновение стал острым, но лицо не изменилось. Он медленно смял записку, делая это бесшумно. А затем отправил бумажный комок в рот и проглотил.

Ли Цюань почти не знал грамоты — и это была чистая правда. Но Цзян Сяо когда-то научил его паре слов. Он узнал, как пишется его имя — «Цюань», как пишется слово «ночь» и, конечно, слово «убить».

В записке было всего одно слово.

«Убить».

<http://bllate.org/book/17414/1659536>